

Профессор «вздоха»

Вст. Москва - 1993. - 29.11. - с. 6.

Среди множества персонажей «Театрального романа» М. Булгакова томит загадочностью тот, кто во время описываемых событий пребывал в Индии. Звали его Аристарх Платонович. Его часто вспоминали и рассказывали о нем вещи удивительные: будто бы сам Гоголь читал ему вторую часть «Мертвых душ»! Все так и было. Владимир Иванович Немирович-Данченко, один из основателей Московского Художественного театра, известный в конце прошлого века драматург (в его пьесах сама Ермолова играла), крупный театральный критик и знаменитый педагог — профессор Филармонического училища в Москве. Его ученики прославлены во всем мире — Ольга Книппер-Чехова, Всеволод Мейерхольд, Иван Москвин.

Владимир Иванович прожил долгую, яркую жизнь. Были в ней и встречи с Л. Н. Толстым, и знакомство с драматургом А. Н. Островским, и дружба с А. П. Чеховым. «Ты дал моей «Чайке» жизнь. Спасибо, Чехов.» — золотой жетон с такой надписью получил в подарок Вл. И. Немирович-Данченко в 1898 г. после премьеры «Чайки».

В Индии, правда, побывать не довелось, но Европа и Америка принимали Художественный театр восторженно. В пору, когда МХТ репетировал «Дни Турбиных», Владимир Иванович находился на гастролях в США со своей Музыкальной студией. Гастроли организовал однофамилец знаменитого трагика, Леонид Давыдович Леонидов, к тому времени живший в эмиграции. Потом он написал воспоминания о своих театральных встречах.

Среди редкостей Музея МХАТ хранится книга Л. Леонидова «Рампа и жизнь» с автографом автора. Откроем ее: «В один прекрасный день Немирович-Данченко приехал в Париж и поселился в отеле «Резиданс».

И тут я видел его в последний раз.

Он очень постарел, как-то врос в землю, борода была белая, как лунь, хотя так же а ля Генрих IV аккуратно подстрижена. Но глаза оставались все теми же — слегка насмешливыми. И сверкал в них все тот же исключитель-

ный, обезоруживающий ум.

Тот же спокойный голос, то же изящное поглаживание бородки, снизу, наружной частью кисти руки:

Начались наши старые разговоры на вечную и неизменную тему.

— Вот, — сказал Н.-Д., — приближается сорокалетие нашего театра. Вы подумайте — сорокалетие! Как быстро пронеслась жизнь! Что поставить для этого юбилея? Мне советуют «Цезаря и Клеопатру» Б. Шоу. Но как-то не тянет к нему.

— А что бы вы хотели сами? — спросил я.

— Что хотел бы я сам? — переспросил Н.-Д., — сам бы я хотел возобновить «Трех сестер».

— Да, Владимир Иванович, но «Три сестры» столько раз играны и переиграны.

— Это ничего не значит, их можно поставить заново так, что вы и не догадаетесь, что это старая пьеса.

— Но как же это так, ведь слова те же, сюжет тот же, действие то же?..

Я чувствовал, что мы находимся где-то вблизи, около тайн его режиссерского творчества — тех тайн, которые всегда подозревались, но которые он где-то, в глубинах души, ревниво хранил.

— Что в ней будет нового? — Н.-Д., немного подумав, ответил: — Ритм,

дорогой мой! Ритм! Новый ритм — в этом все каноны и законы Художественного театра.

— Это что же, наука?

— Какая там наука! — с легкой досадой отвечал Н.-Д. — Островский сказал, что театр, как наука, не существует, и это глубочайшая истина... Это — суета сует и всяческая суета.

Ритм — это вздох. Шаляпин хорошо сказал: «Все поют. Правильно поют. А вот вздоха нотами не передашь! Вздоха не напишешь. Вздох-то в душе!» Так и ритм. Ритм в душе...

У Чехова в некоторых актах насчитывается до пятнадцати ритмов. Вот смотрите: первый акт весь идет в четыре четверти. Второй акт — шесть восьмых. Четвертый акт, начало — шесть восьмых...

— Но ведь это музыкальные термины, Владимир Иванович?

— Это — вздох!

— Тогда, значит, вы ставите пьесы как музыкальные произведения?

— Пьесы и есть музыкальные произведения, мой друг, — продолжал Н.-Д., — и это, к сожалению, мало кто понимает... Вот только не знаю, как быть с актерами в «Трех сестрах», Тузенбах, например?

— Хмелев, — дерзнул подсказать я.

— Пожалуй. А Соленый?

— Ливанов.

— Пожалуй, — и опять пауза.

— Чувствую в воздухе войну, — вдруг неожиданно сказал Н.-Д., — кровью в воздухе пахнет. Но, может быть, я умру; тогда запомните: победит Россия!

...Началась страшная война. Мы были разьединены с Владимиром Ивановичем и, к моему великому горю, навсегда.

Однажды ночью, сидя у радио и слушающая передачу из Москвы, я услышал следующее сообщение: «Сегодня праздновалось 45-летие со дня основания Московского Художественного театра. Шли «Три сестры» в постановке Немировича-Данченко. Пьеса пленяла своей новизной и свежестью. Великолепным Тузенбахом был Хмелев».

У меня что-то оборвалось в душе. Мне показалось, что где-то там, в далекой Москве, была и моего капля меду...»

Галина ПАНФИЛОВА-ШНЕЙТЕР.